

Гу Тин стоял, засунув руки в рукава. Взгляд его был остёр, подбородок слегка приподнят:

— С чего вы взяли, будто какие-то деньги заставят меня пожертвовать судьбой женщины? Я что, выгляжу нищим?

У Фэн: ...

Молодой господин, хватит прикидываться. Мы и вправду нищие. После этого дела у нас даже на свинину не хватит. Ты бы хоть взглянул на свой ужин!

Впрочем, если бы господин не устраивал таких спектаклей, он бы и не был господином. Наверняка он рассчитал, что Дун Чжунчэн будет умолять, и сначала откажется, чтобы выглядеть великодушным и справедливым?

Он это понял, но Дун Чжунчэн не догадался и лишь ещё больше восхитился Гу Тинном.

Красивые слова может сказать каждый, красивые дела — не всякий, а уж сделать их хорошо и давно.

Он поклонился ещё глубже:

— Знаю, вы не обычный человек. Все ваши поступки лишены корысти. Вы желаете лишь мира на границе. К девице Лю вы не питаете чувств, помогаете лишь потому, что она — ключевая фигура в этом деле. Я... я не дурной человек. Ранее, дабы не повредить репутации девицы Лю, я не мог говорить о некоторых вещах... — Горло его сжалось, голос дрогнул, но взгляд стал ещё решительнее. — Верю, вы не из тех, кто станет разносить сплетни. Даже если дело не выгорит, вы не проболтаетесь. У меня с девицей Лю есть прошлое...

— Довольно.

Гу Тин остановил Дун Чжунчэна. Он не желал слушать, ибо в прошлой жизни наслушался подобных историй досыта. Он знал, что эти двое испытывают чувства, но говорить об этом напрямую было никак нельзя:

— Речь идёт о девичьей чести. Вам не следует говорить, а мне — слушать.

Дун Чжунчэн был тронут ещё сильнее.

Любопытство присуще всем, но редко бывает уместным. Уметь обуздать его, проявив к другому уважение... Какая же нужна сила воли!

Он ещё больше успокоился. Теперь нечего было скрывать. Стиснув зубы, он выговорил:

— Прошлое оставим. Скажу одно: девица Лю согласна выйти за меня! Мы оба прилагали усилия, но внезапно случилась эта напасть, и мы не смогли договориться... Если вы поможете, я готов служить вам, идти в огонь и в воду, делать что угодно и сколько угодно!

Гу Тин провёл длинными пальцами по маленькой грелке для рук:

— Вот это уже похоже на правду. Не влюблённый до глубины души так не скажет.

Спина Дун Чжунчэна расслабилась.

Гу Тин поднял взгляд:

— Да на что мне ваша служба? У меня и своих слуг хватает.

Слова звучали как отказ, но в них сквозило куда больше уважения.

Дун Чжунчэн понял это и ощутил ещё большую благодарность.

Богатство, торговые пути, собственное будущее — всё, что он мог предложить. Он был готов отдать всё ради любимой девушки. Но молодой, полный задора мужчина в расцвете сил — разве станет он по доброй воле чьим-то слугой? Он дал это обещание, сломив всю свою гордость, отринув всё своё достоинство. Не ожидал, что другой окажется столь великодушен.

В этот миг Дун Чжунчэн не мог выразить своих чувств.

Всё, что его тревожило, всё, с чем он был бессилён справиться, — Гу Тин разрешил за него, словно небожитель. Но небожителю не нужно было, чтобы он ломал свои кости и проливал кровь, отдавая всё... Какое же счастье встретить такого человека!

С этим человеком можно иметь дело.

Пусть он всю жизнь будет стараться и не станет ему достойным другом, но он приложит все силы. И всю оставшуюся жизнь, если Гу Тину что-то понадобится, он готов отдать за него жизнь!

Дун Чжунчэн принял это решение, вбив его в свою плоть и кровь, чтобы не забыть никогда.

Гу Тин знал, что этот человек с характером, непростой. Для верности он использовал всю доступную информацию, создав эту ловушку. Сейчас он не ведал, что творилось в душе Дун Чжунчэна, и просто следовал плану:

— Сколько ни говори красивых слов, хоть цветы рассыпай, я не стану слепо верить. Дайте мне какую-нибудь вещицу, которую узнает девица Лю. Когда это блюдо будет готово и отправлено к ней, мои люди незаметно покажут ей вашу вещицу. Если она сама скажет, что согласна, — я вам помогу. Если же вы меня обманываете, она откажется и назовёт вас обманщиком, — я вас вышвырну вон. Как вам?

Дун Чжунчэн замер.

Гу Тин, прижимая к себе грелку, смотрел в даль небес:

— Мир суров к женщинам. В вопросах брака я не желаю слушать ни вас, ни даже самого Лю Богуаня. Я хочу спросить саму девицу Лю: согласна ли она.

Дун Чжунчэн был тронут ещё больше, на глазах даже выступила влага:

— Вы совершенно правы.

Гу Тин взглянул на горшочек с тофу — тот был почти готов:

— Присаживайтесь.

Дун Чжунчэн сел.

Сидеть без дела было неловко. Гу Тин проверил огонь, затем взглянул на Дун Чжунчэна:

— Дело к делу. Вообще-то у меня... тоже есть к вам просьба. Вы торговец лекарствами, наверняка запасы имеются?

Только что говорил о выдворении, а теперь — о просьбе. Он потер нос, глядя в сторону, — выглядел жалковато.

— Вам нужно? — Дун Чжунчэн едва не рассмеялся. — Назовите число!

Неважно, состоится свадьба или нет, Гу Тин помог его возлюбленной, и это уже огромная услуга. Какая мелочь, к чему такая осторожность?

Гу Тин беспристрастно повёл глазами:

— Количество... немалым будет.

Дун Чжунчэн:

— Сколько именно?

Гу Тин остановил взгляд и назвал число.

Дун Чжунчэн аж присвистнул:

— Это... и вправду немало.

Гу Тин слегка сжал губы:

— По правде говоря, мне кажется, война на границе надвигается с недобрый умыслом. С Северными Ди у нас вечные трения, стычки не прекращаются, но в прошлые годы к этому времени всё уже затихало — все же к Новому году готовятся. А нынче бои полыхают пуще прежнего... Похоже, северные варвары что-то замышляют. Перед Новым годом торговцы распродают товары, и если на фронте грянет беда, подмога может не успеть. Вот я и подумал: подготовиться заранее. Пригодится — хорошо, нет — невелика беда. После праздников с небольшим убытком распродадим. Деньги всегда успеем заработать...

Дун Чжунчэн опустил глаза, обдумывая.

Он торговец, а торговцы стремятся к выгоде. Все его товары и пути — для заработка. Но он ещё и житель Дася, в нём течёт кровь сынов Поднебесной. Если случится беда, он, узнав о ней, конечно, захочет внести свою лепту.

У него и вправду была партия товара, которую он собирался с большой выгодой сбыть за границу. Но сейчас...

Видно, придётся придержать. Да и количества маловато, лучше ещё докупить.

Воздух повис в тишине, как вдруг снаружи, у веранды, раздался лёгкий хруст — будто кто-то наступил на сухую ветку.

Гу Тин и Дун Чжунчэн разом обернулись и увидели, как из-за угла вывалился юноша с круглым, как булочка, лицом.

Лет ему было шестнадцать-семнадцать, подростковая угловатость ещё не сошла. Парень худой, талия тонкая, только щёки пухлые, детские. Глаза круглые, влажные, смотрели наивно.

Поскольку он не удержался и упал, да ещё был застигнут врасплох, на лице его читалось смущение.

Гу Тин узнал его. Тот самый юноша, что «подставился» в тот день и стащил у него кучу золотых бусин!

В отличие от того дня, когда он был перепачкан, сегодня он умылся и переоделся — должно быть, на деньги от бусин... Жаль, одежда сидела мешковато, рукава болтались, волосы были собраны небрежно, кое-где выбивались. Не будь он таким милашкой, смотреть было бы не на что.

Юноша уставился на тофу «Четыре духа», который Гу Тин только что снял с огня, и у него чуть не потекли слюни...

Заметив взгляд Гу Тина, он шмыгнул за колонну, затем осторожно высунулся, жалобно вымолвив:

— Э-э... Можно мне немного?

Гу Тин посмотрел на своё лечебное блюдо:

— Это?

Юноша выглядел так, будто вот-вот расплачется:

— Если не дадите поесть, у меня кровь хлынет...

Гу Тин: ...

Неужели сегодня он решил подставить именно его?

Юноша и вправду заплакал:

— Правда... Правда хлынет!

Гу Тин: ...

Чувствовалось, что дело нечисто. Как тот исторгал кровь, он видел — притворства не было. А терять столько крови вредно для здоровья.

Впрочем, порция была большой, девица Лю одна всё равно не съела бы. Поделиться с юношей — не проблема.

Гу Тин велел У Фэну принести заранее приготовленный термос, разделил блюдо пополам, взял у Дун Чжунчэна какую-то вещицу в залог и поручил У Фэну лично всё доставить. Остальное... Он поманил юношу:

— Иди сюда, угощаю.

Тот с радостным возгласом подбежал — ноги проворные, бегал быстро, — схватил палочки и принялся уплетать.

— Ай...

— Осторожно, горячо...

Опоздал с предупреждением.

Юноша не обратил внимания, поднял к Гу Тину сияющее лицо, глупо ухмыльнулся и продолжил есть, на этот раз сперва подув.

Ел он жадно, с огромной скоростью, словно это и вправду было спасение для него...

Наелся до испарины, живот согрелся, и тут он, смущённый, поднял голову, подтолкнул миску:

— Вы... вы будете?

Гу Тин и Дун Чжунчэн, глядя на то, как он ест, и сами проголодались, но отбирать еду у ребёнка казалось кощунством. Оба покачали головами.

Юноша надул свои булочные щёки:

— То-то... я тогда доем?

Гу Тин:

— Доей.

<http://bllate.org/book/16279/1465909>